МАРИЯ ЭСТРЕМ

ДНЕВНИК „РУССКОЙ МАМЫ"

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Дневник «русской мамы» — небольшой, но волнующий рассказ мужественной норвежской патриотки Марии Эстрем, которая в тяжелых условиях фашистской оккупации, рискуя своей жизнью, помогала советским военнопленным: передавала в лагерь пищу, одежду, медикаменты, литературу, укрывала в своем доме вырвавшихся из фашистского застенка. За это теплое человеческое отношение к людям за колючей проволокой норвежскую женщину Марию Эстрем назвали дорогим именем — «мамой», «русской мамой».

- Мария Эстрем
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13

Мария Эстрем
ДНЕВНИК «РУССКОЙ МАМЫ»

Перевод и литературная обработка Ю. Дерябина

МАРИЯ ЭСТРЕМ

ДНЕВНИК „РУССКОЙ МАМЫ"

Издательство
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
Москва — 1959

Предисловие

Плечистый, большой человек с совершенно седой головой целует руку маленькой женщине, которая гладит его голову. Он повторяет: «Мама, мама…» У обоих на глазах слезы…

Через несколько дней эта же женщина в Кремле принимает из рук К. Е. Ворошилова орден Советского Союза. Только что прозвучали слова Указа:

«За мужество, проявленное при оказании помощи советским военнопленным, находившимся в гитлеровских концлагерях в Норвегии в период Великой Отечественной войны, наградить Марию и Рейнгольда Эстрем орденами Отечественной войны I степени».

Кто же она, этот человек, получающий такие знаки любви, уважения и почета?

Это — «русская мама» Мария Эстрем из небольшого норвежского городка Ос, женщина, жертвовавшая всем в дни войны для спасения советских военнопленных.

В Советском Союзе хорошо известно, что народ Норвегии дружественно относится к Советскому Союзу, который был союзником Норвегии в минувшей войне против общего врага — германского милитаризма и у которого не было и нет с Норвегией каких-либо конфликтов или противоречий интересов.

Гитлеровцы, оккупировавшие Норвегию, превратили эту маленькую страну в большой концлагерь. Сто тысяч советских людей оказались за колючей проволокой на норвежской земле. Не было меры лишениям и издевательствам, которым подвергали пленных фашистские палачи. Многим нашим соотечественникам не суждено было вернуться на Родину.

В конце 1941 года, когда первые советские военнопленные прибыли в Норвегию, они почувствовали, что не одиноки. Норвежские патриоты протянули им руку дружбы и помощи. Они облегчали их участь тем, что передавали в лагеря продукты питания, одежду, медикаменты, сводки о положении на фронте. О-ни укрывали тех, кому удавалось вырваться из фашистского ада, а затем переправляли их в отряды Сопротивления, где бывшие пленные получали оружие и продолжали борьбу.

Тысячи смелых и благородных норвежцев принимали участие в опасной работе по оказанию помощи советским военнопленным. А она действительно была опасной. «За помощь русским — смерть!» — грозили оккупанты. Но угрозы останавливали не многих.

Не остановили они и Марию Эстрем, жену кузнеца. Вместе с мужем Рейнгольдом она в течение двух с половиной лет

несколько раз в неделю находила способ передавать советским военнопленным, томившимся в фашистских лагерях вблизи Оса, пищу, книги, табак, медикаменты, теплую одежду. Пять месяцев она укрывала советского военнопленного, бежавшего из лагеря в Хаугснессе.

Мария Эстрем стала символом помощи простых норвежских людей советским военнопленным. Как «русская мама» вошла она в сердца страдальцев, чувствовавших ее материнскую любовь и заботу в тяжкие годы фашистского плена.

Когда окончилась война, около пятисот бывших пленных, сохранивших жизнь только благодаря этой смелой женщине, оставили свои имена в тетрадях, бережно хранящихся сейчас в домике супругов Эстрем. Около пятисот раз повторяется там слово «мама». И в этом коротком, самом дорогом для человека слове, которым русские люди назвали норвежскую женщину, — вся Мария Эстрем, весь ее подвиг.

Вручая 14 ноября 1958 года высокую награду супругам Эстрем, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов сказал:

— Величие и значение вашего благородного подвига само по себе огромно. Но, помогая узникам концлагерей, вы явились одновременно организаторами постоянной помощи со стороны многих других граждан вашей славной родины. Это еще больше увеличивает ваши заслуги.

К. Е. Ворошилов охарактеризовал подвиг Марии и Рейнгольда Эстрем как «один из ярких фактов боевого содружества советского и норвежского народов, боровшихся плечом к плечу против общего врага — фашистских захватчиков».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов вручает в Кремле ордена Отечественной войны I степени Марии и Рейнгольду Эстрем.

* * *

Мария Эстрем вела во время войны дневник. Она не ставила перед собой задачу написать какое-то литературное произведение. Дневник фиксировал только факты. Но эти факты говорят сами за себя. А скупые записи дневника лишь подчеркивают скромность этой отважной женщины. Поэтому-то и отмечены события многих дней лишь несколькими словами в дневнике: «Опять была в лагере… Удалось передать кое-что пленным». И ни слова о том, чего это стоило.

Передавая свои записи для печати, Мария Эстрем сказала: «Не нужно называть это книгой. Я просто хотела своими словами рассказать о жизни наших союзников — русских военнопленных, которых жестокая война забросила в Норвегию, и о нашей скромной помощи им. Если мой бесхитростный рассказ вызовет внимание советских читателей, я буду счастлива. Может быть, мой дневник прочтет и кто-нибудь из бывших военнопленных, томившихся в лагерях вблизи Ос. Пусть это будет для них приветом от „русской мамы“».

* * *

Шла последняя неделя октября 1942 года. Осенний ветер уже гнал тяжелые волны по озерам, колотил рыбачьи лодки об осклизлые причалы Медвежьего фиорда. Холодный туман сизым дымом висел над холмами, окружающими Ос. Наш домик, недавно еще весь опутанный плющом и вьюнками, оголился. Скоро подойдет зима, а с нею и рождество — самый красивый и самый любимый в Норвегии из всех праздников. Какая веселая суета обычно поднимается за несколько дней до рождества! Хозяйки с утра пекут кексы, рыбный пудинг, зажаривают традиционный окорок, ребятишки украшают елку и ждут подарков от добрых рождественских гномов… В этом году все будет иначе. Идет война, уже прошло два с половиной года с тех пор, как немцы пришли на нашу землю. И наш маленький Ос кишит этими зеленомундирниками да местными хирдманнами — квислинговцами[1].

Люди остерегаются говорить лишнее: сколько уже угодило в Грини[2] или увезено в Германию за неосторожные разговоры. Тем не менее городок переполнен слухами. Один из них давно занимает вас всех. Говорят, что скоро немцы должны пригнать в наши края русских военнопленных. В Хаугснессе, в получасе ходьбы отсюда, уже обнесено колючей проволокой место для лагеря.

И вот вечером 25 октября ко мне прибегает сынишка наших соседей и сообщает, что завтра в Ос прибывают баркасы с первой партией пленных. В этот день, о чем бы ни говорили мы, разговор всегда возвращался к русским. Какие они, что это за люди? До войны я кое-что читала и слышала о России, а сейчас до нас доходят слухи об их отважной борьбе против немцев. В общем-то у меня было довольно смутное представление об этой большой и далекой стране и ее народе. Фашисты и наши наци уже давно кричат, что «русские — это неполноценный народ, раса рабов». Но чего же иного еще ждать от этих молодчиков, рвущихся завоевать весь мир…

С утра 26 октября мы с мужем и Якобом, младшим сыном, стоим на перекрестке, неподалеку от кладбища, и ждем. Вот показалась колонна. Вначале я ничего не могла рассмотреть из-за конвоиров, плотно окружавших пленных. Но вот вся колонна остановилась около бензиновой колонки Тведта. То, что я увидела, я не забуду никогда! Изможденные до ужаса лица, лохмотья еле прикрывают посиневшее, истощенное тело. Много больных и раненых, их бережно поддерживают товарищи. Здесь и молодые и пожилые люди. Больше всего меня поразили их глаза. Мертвые, ничего не выражающие глаза людей, которым уже немного осталось жить. Именно эти глаза дали толчок всему, что постепенно накопилось во мне: помочь, помочь этим несчастным людям во что бы то ни стало!

Тем временем конвоиры с криками и руганью пересчитывали пленных. Немцы постоянно сбивались со счета, тогда в ход пускались кулаки и приклады. Наконец проверка была закончена, и колонна живых призраков вновь тронулась в путь. Пленные брели группами, со всех сторон окруженные солдатами. Я незаметно следовала за ними.

В Хаугснессе пленных загнали в барак-времянку, построенный еще до войны. Барак этот — 20 метров длиной и 12 шириной — рассчитан на 60–70 человек. Пленных же было 230. Барак уже давно покосился, резкий ветер продувает его со всех сторон. Внутри немцы устроили нары в три этажа, покрытые соломой. Здесь-то и должны томиться русские пленные.

Говорят, что многие из пригнанных в Ос пленных раньше сидели в концлагерях Германии и Польши. Дни пребывания там были сплошным кошмаром для них. Сейчас, конечно, их занимает одна мысль: что уготовано им в Норвегии, удастся ли им найти сочувствие и поддержку у норвежцев?

3 ноября 1942 года

Решила вести дневник. Попытаюсь описать все, чтобы, когда придет освобождение, рассказать людям об этом тяжелом времени.

Все эти дни думаю об одном: как помочь русским? В Осе кругом расклеены плакаты. Один из них висит на столбе около нашего дома. Самое строгое наказание, вплоть до смертной казни, за малейшую помощь пленным или какое-либо проявление сочувствия и симпатии.

К лагерю подойти невозможно. Начальник лагеря Реддингер уже успел заслужить прозвище Тигр. Всегда пьяный, он мечется

по лагерю, выискивая очередную жертву. Он жесток в обращении с пленными и приходит в ярость, когда кто-нибудь из местных жителей приближается к лагерю. Никто не осмеливался спросить его разрешения передать немного еды пленным.

Жизнь в лагере начинается рано. В 5 часов утра немцы выгоняют пленных из барака. На леденящем ветру происходит проверка. Затем всех разбивают на партии и гонят на работу. У меня сжимается сердце, когда колонна пленных проходит мимо. Одежда представляет собой ужасные лохмотья, ноги обернуты бумагой или мешковиной. Рассказывают, что гитлеровцы отобрали у них ватную одежду и взамен выдали свои обноски.

Пленные работают в Моберге и Хаугснессе. Немцы строят там склады боеприпасов, бомбоубежища, пробивают туннели. Всех жителей выгнали из этого района, а дома конфисковали. Часть пленных должна работать на пристани в Хауге на разгрузке цемента и песка.

В полдень пленным раздают пищу, вернее зловонное бурое месиво, которое никак нельзя назвать человеческой пищей. Эту бурду варят из грязных картофельных очисток и протухших селедочных голов. Одна знакомая девушка из Оса, которая работает на немецкой кухне в лагере, рассказала мне, что однажды она решила помыть грязные картофельные очистки, предназначавшиеся для пищи пленным. В это время неожиданно вошел повар. Побагровев от злости, он выругался, выхватил у нее ведро с грязными очистками и вывалил все в котел. «Для этих свиней и дерьмо — пища», — сказал он. Приготовленный таким образом «суп» развозится в ржавых бочках.

Многие жители Оса пытаются найти способ помочь пленным. Мы заранее раскладываем пакеты с едой за камнями, в канавах у той дороги, которой пленных обычно водят на работу. Иногда осмеливаемся незаметно подбрасывать свертки или «теряем» их, когда проходим мимо работающих русских. Некоторых из наших гитлеровцы заставляют также работать на разгрузке цемента, тогда они делятся едой с пленными, работающими там же. Но всего этого мало. Иногда пленные не замечают наших пакетов, иногда их обнаруживает немец-конвоир, и плохо тогда приходится тому, кто попался при этом… Но во всяком случае пленные чувствуют, что норвежцы готовы помочь им, что они не одиноки. Нужно только найти более действенный способ…

5 ноября

Сегодня произошло страшное несчастье в Моберге. Во время

взрывных работ убит один русский пленный. Несчастный был искалечен до неузнаваемости.

Хоронить русского собралось много жителей Оса. Наш старый священник прочитал молитву, товарищи убитого опустили некрашеный гроб в могилу. Многие норвежцы плакали, русские же с суровыми лицами по очереди подходили к могиле и бросали на гроб горсть мокрого песка.

Так на нашем кладбище появился первый холмик, под которым покоится Василий Степура, пленный № 28179, родился 24 января 1904 г., погиб 5 ноября 1942 г. Мир праху его…

6 ноября

Сын моих хороших знакомых Одд Твейт был арестован за то, что поздоровался с русскими, когда их проводили мимо. Его долго допрашивали в гестапо, затем отправили в бергенскую окружную тюрьму. Из Бергена юноша был переведен в концлагерь Грини под Осло, а затем в Германию. Позднее, не вынеся лишений, он умер в одном из концлагерей. Одду было всего 14 лет, и он был единственным сыном. Плакаты, угрожающие смертью за симпатии к русским, недаром висели на столбах в Осе…

Уже прошло десять дней с тех пор, как русские пленные появились в наших краях. Когда я встречаюсь с ними, то незаметно приветствую их. Пленные украдкой отвечают — кивком головы, движением руки, просто глазами. Сегодня я приготовила для них еду, разделила на несколько пакетов и все это положила у обочины, а сама спряталась за кустом. Вот показалась колонна. Они идут медленно, еле передвигая ноги. Один из пленных замечает пакет и в тот момент, когда конвоир не смотрит, быстро нагибается и поднимает его. Через мгновение содержимое свертка исчезает в карманах пленных. Я облегченно вздыхаю: сегодня успешно. А вот вчера мне еле удалось скрыться, так как конвоир заметил мой пакет. Пришлось вернуться домой ни с чем.

19 ноября

Четверо пленных задумали бежать из лагеря. Они убедились, что норвежцы — отзывчивый и дружественно настроенный к ним народ, и рассчитывали через местных жителей связаться с группами движения Сопротивления, которые действуют в горах.

Решили, что вначале бежать попытаются двое. Вечером 17 ноября, воспользовавшись туманом, который в это время года особенно бывает густым в наших местах, двое пленных бежали. Ночь и первую половину следующего дня беглецы провели в заброшенном сарае, а вечером решили двинуться вдоль дороги на Берген. Ноябрьский ветер трепал их лохмотья, второй день беглецы ничего не ели. По дороге им попался одиноко стоящий чистенький полутораэтажный домик. Кругом не было ни души. Пленные осторожно постучались в окно. Они и думать не могли, что гостеприимно открывшаяся перед ними дверь будет для них дверью в смерть. Пока они отогревались чашкой кофе, хозяйка-предатель позвонила нацистам, и через несколько минут беглецы были в руках гестаповцев.

Немцы вывели пленных на дорогу и застрелили их у обочины «при попытке к бегству». Трупы были привезены в лагерь и целый день лежали перед бараком для устрашения остальных пленных. Холмиков на нашем кладбище прибавилось еще два. Так погибли Василий Панников, пленный № 28110, рождения 5 апреля 1907 г., и Василий Суколов, пленный № 28118, рождения 15 апреля 1919 г. Возможно, что они попали в плен вместе, так как их номера были близки.

Светлая память им, проклятье предателям!

22 ноября

После побега стало еще труднее оказывать помощь русским. Немцы рассвирепели. Особенно отличается в жестокости Франке, начальник немецкой полиции в Осе. Франке всегда ходит с хлыстом в руке и буравит своими свирепыми кабаньими глазками каждого встречного. Особенно он опасен, когда пьян, а пьян он постоянно. Это Франке руководил расправой над Панниковым и Суколовым.

Сегодня видела, как двое пленных вели избитого до полусмерти товарища. Лицо его вздулось, кровь текла изо рта и носа. Гитлеровцы обычно избивают пленных прикладами. Говорят, что чем больше усердствуют они в истязании пленных, тем больше шансов у них получить награду.

Провинившихся пленных (а в вину им ставится все) заставляют работать по воскресеньям, без отдыха. После побоев их раздевают и сажают в сарай. Нагие люди должны сидеть в этом продуваемом насквозь холодном сарае длинные ноябрьские ночи. Из лагеря часто доносятся душераздирающие крики истязуемых. И это делают «германцы высшей расы», собирающиеся править

над нами, над целым миром! Глумиться над беззащитными пленными — какой позор навлекают эти выродки на весь немецкий народ!

Все это еще больше укрепляет меня в решимости помогать русским. Но как это сделать лучше?

Сегодня с утра идет дождь, холодный, затяжной. Мимо меня проходит, возвращаясь с работы, партия пленных. На них не осталось ни одной сухой нитки, они бредут, спотыкаясь от усталости. Они смотрят на меня, как будто глазами хотят рассказать о своих лишениях. У русских приятные лица, многие просто красивы. Некоторые светловолосые, как наши норвежцы, другие потемнее, а есть и совсем темные, — вероятно, южане. Щемящее чувство боли пронизывает меня. Они оторваны от родины, от своих близких, кругом чужие люди, чужая речь. Но в то же время они, наверно, чувствуют, что невидимые нити связывают их с людьми, готовыми им помочь.

6 декабря

Жизнь идет своим чередом в Осе и русском лагере. Приближаются рождество и Новый год.

Двое пленных в сопровождении конвоира каждый день проходят в молочную лавку за молоком для немецкой кухни. Тут же всегда стоят несколько норвежцев в надежде получить немного молока по карточкам. Когда конвоир отворачивается, пленные осторожно смотрят на нас. Один из них совсем юноша. До сих пор было очень трудно передать им что-нибудь. Немец, сопровождающий их, очень строг. Вот пленные выносят пятидесятилитровые бидоны с молоком. Конвоир подозрительно смотрит на меня, когда я иду следом за пленными. Убедившись, что незаметно передать пакеты не удастся, я решаюсь прямо спросить разрешения у конвоира. «Возьми этот пакет, здесь рождественские кексы, и поделись с пленными», — говорю я. Конвоир багровеет как рак и рычит «Ферботен!»[3]

Мимо дома постоянно гоняют пленных на дорожные работы в Хауге. Иногда мне удается передать им немного пищи. Но нужно действовать очень осторожно, чтобы не навлечь неприятностей ни на себя, ни на пленных. Если гитлеровцы заметят, то придется плохо.

Сегодня несколько пленных были избиты и посажены в холодный карцер за то, что приняли пищу от норвежцев.

25 декабря

Пришло рождество. Невесело оно проходит в этом году, не все могут собраться в кругу своих близких вокруг праздничного стола и пожелать друг другу «Гу юль»[4]. Одни лежат в чужой земле, другие томятся в лагерях, третьи скрываются в горах в отрядах «Йеммефронта» и «Милорга»[5] или норвежской бригаде в Англии. Это лучшие представители норвежского народа, его честь и совесть. И они спрашивают нас: а какой вклад ты внес в борьбу, что ты делаешь, чтобы ускорить победу?

26 декабря

Утром я была разбужена осторожным стуком в дверь. Во дворе стоял высокий черноволосый пленный. Лицо его посинело от холода, он не мог сказать ни слова, лохмотья были покрыты густым инеем. Я сразу поняла: этот человек бежал из лагеря. Не сказав ни слова, я впустила его в дом. Тщательно прикрыла все окна, затопила печь и разогрела немного пищи. Пока он с жадностью ел бутерброды, простоквашу и пил «Рика» (эрзац-кофе), я предупредила мужа, и мы вместе начали думать, как помочь пленному. Он говорит немного по-немецки и рассказал, что его зовут Леонид и что он собирается пробираться в Соннингсдал, чтобы установить связь с партизанами. Из лагеря Леонид бежал накануне, когда пленных гнали на работу. Вначале он укрылся в сарае, но хозяин заметил его, и Леониду пришлось спрятаться в лесу, неподалеку от моего дома.

Мы дали ему кое-какую одежду младшего сына, чтобы он смог сменить свои лохмотья, и договорились, что он придет на следующий день.

Через полчаса после ухода Леонида около дома появилась группа вооруженных немцев, которые наверняка искали пленного. Они о чем-то говорили с ребятишками, игравшими недалеко от дома, но, видимо, не добившись результата, ушли в противоположную от леса сторону.

5 января 1943 года

Сегодня гитлеровцы застрелили еще одного пленного в Моберге. Он работал на строительстве бункеров. Улучив момент, он зашел в один дом, чтобы попросить поесть. Они заметили это, окружили дом и на глазах у хозяев и их маленьких детишек застрелили пленного. Я не знаю, когда и где он родился. Знаю только, что его звали Павел Кондратчюк.

Леонид приходит каждое утро. Я заранее отпираю дверь, чтобы он мог войти незамеченным. Он приветствует нас на своем языке и усаживается на стул у печки. Сейчас стоят крещенские морозы, и Леонид страшно замерзает в лесу. Отогревшись, он начинает рассказывать нам на ломаном немецком языке с примесью русских слов свою историю. Он просит, чтобы мы помогли ему связаться с группами движения Сопротивления. В лесу опасно оставаться долго, и немцы могут легко обнаружить его, так как лес находится всего в нескольких сотнях метров от Оса. Кроме того, его частые посещения нашего дома не могут долго оставаться незамеченными. Немцы расклеили новые плакаты, где угрожают смертью за помощь русским. Моя невестка, жена старшего сына, сейчас ожидает ребенка и очень боится, когда Леонид приходит к нам.

Решаем, что Леонид пока останется в лесу, а я или муж будем каждый день в 8 часов приносить ему пищу. Тем временем мы постараемся связаться с партизанами.

18 января

Я каждый день спускаюсь к реке и прячу пакеты с пищей для Леонида в дупле старого дуба у подвесного моста, который ведет к лесу. Прежде чем спрятать пакет, я смотрю по сторонам: не шпионит ли за мной кто-нибудь из зеленомундирников. Иногда я вижу на той стороне Леонида, который благодарит меня кивком головы.

Однажды, когда я прятала пакет, вблизи раздались шаги. «Все кончено», — подумала я и приготовилась к худшему. Однако это оказался Леонид. Он подошел ко мне, положил руки на плечи, посмотрел в глаза и сказал: «Спасибо, спасибо, мама!» Глаза его были полны слез.

Вечером муж нашел в дупле записку, написанную на оберточной бумаге. Пленный писал: «Дорогие мои! От всего сердца благодарю вас за заботу. К сожалению, не могу выразить это по-норвежски. Шлю вам наилучшие пожелания. Леонид 18.1. 1943 г. Ос, лес».

20 января

По воскресеньям из лагеря доносятся красивые и печальные песни. Щемящая тоска по родине слышится в них. Обычно много норвежцев собирается около лагеря, чтобы послушать русские

песни. То, что пленные не могут высказать на словах по-норвежски, они выражают песнями. Невидимые нити симпатии связывают в эти минуты людей, стоящих по обе стороны колючей проволоки. Когда часовые отворачиваются, через колючую проволоку летят свертки с едой, табаком, сигаретами, свежими газетами. Часовые всегда очень злятся, когда мы собираемся около лагеря. Старший охранник Фриц — Кролик (мы называли его так за красные глаза и белесые волосы) с руганью набрасывается на каждого, кто пытается приблизиться к лагерю.

Леонид получает пищу и табак без перебоев. Иногда поздним вечером он заходит к нам, чтобы погреться. В лесу очень холодно. Он построил себе небольшую землянку, но это мало помогает. Стены промерзли насквозь, а огня развести Леонид не решается. Нужно побыстрее спрятать его в другом месте. На днях немцы прокладывали в лесу телефонный провод и копались в нескольких шагах от землянки Леонида. Он притаился в землянке и каждую минуту ждал, что его обнаружат. Тогда — верная смерть. За мной и нашим домом, по-моему, начали следить. Соседи рассказывают, что какой-то подозрительный человек несколько раз появлялся у дома и заглядывал в окна.

31 января

В десяти минутах ходьбы от лагеря нашли труп русского пленного. Был ли он убит или замерз, бежав из лагеря? Скорее всего гитлеровцы застрелили его, так как священнику ничего сообщено о трупе не было. Пленные вырыли могилу своему товарищу и похоронили его. Говорят, что пленного звали Сергей Милошин.

2 февраля

Решила устроить баню для Леонида. Собрала у знакомых комплект белья, натопила кухню и согрела воды. Леонид был доволен как ребенок, когда узнал об этом. Из бани он вышел новым человеком. Муж подстриг и побрил его. Мы вместе поужинали, и Леонид вновь ушел в лес. Как не хотелось ему уходить из нашего теплого дома в свою промерзшую землянку!..

Некоторые соседи уже знают, что мы скрываем русского. Но это надежные люди, они во многом помогают мне.

10 февраля

Русские в лагере очень страдают от голода. Немцы кормят их все хуже и хуже. Сегодня мимо нашего дома пленные несли бидоны с пищей. Один из пленных поскользнулся, и содержимое бидонов вылилось на дорогу. Зловонный запах протухшего варева ударил в нос. И пленные должны есть это…

Некоторые норвежцы-нацисты говорят, что «русские другие люди, более низкой расы, чем мы, если они могут есть такую пищу». Поставить бы этих умников на место русских…

Сегодня видела ужасную сцену. Один крестьянин зарезал корову и внутренности выбросил на свалку. Работающие неподалеку два пленных набросились на эти внутренности. Их сразу же стошнило. А фашисты стояли вокруг и потешались.

Группа пленных работает на цементном складе около причала, сразу же за рыбной лавкой Холанда. Из окна лавки я вижу их и они меня. Пленные показывают знаками на рот. Решаюсь попросить для них рыбы у хозяина лавки, он дает мне несколько пакетов.

В складе, где работают пленные, имеется разбитое окно. Прошу встретившуюся знакомую женщину помочь мне. Мы останавливаемся у окна, делаем вид, что заняты разговором, а сами незаметно кидаем пакеты в окно. Часовой в это время находится шагах в десяти от нас.

На территории причала стоит старый дровяной сарай. До прихода пленных жители часто прячут там для лих продукты. Особенно часто делает это фру Берресен, добрая и смелая женщина.

13 февраля

Оставаться в лесу Леонид больше не может, становится опасно. Немцы чуть ли не каждый день наведываются в лес и в любую минуту могут обнаружить его. Необходимо найти новое место, но это не так просто. Все-таки мы решились обратиться к нашему соседу Иону. Он надежный человек и, кажется, поддерживает связь с движением Сопротивления. Ион сразу же согласился помочь нам. В горах, около Боргефьелля, у него есть небольшой заброшенный участок, где можно построить небольшой домик или, как мы называем, «хютте». Дорога к этому участку сложная, место пустынное, и наш Леонид сможет быть там в относительной безопасности. Так и сделали.

Через несколько дней Леонид вместе с Ионом ночью переправился в домик, который мы назвали «Оппехюс» (домик на вершине). Домик хорошо замаскирован среди громадных валунов,

и снизу его невозможно заметить. Подходы к тему очень сложные, нет даже никакой тропинки. Приходится карабкаться по отвесным скалам, ежеминутно рискуя сорваться с обомшелых камней. Так что непрошеный гость вряд ли забредет сюда.

В хютте Ион устроил для беглеца кровать, столик, несколько подобранных пеньков заменяли стулья. Всем необходимым Леонид обеспечен. Правда, он не может разводить огня, чтобы не обнаружить своего присутствия, но с этим приходится мириться. Дым может выдать, как это было с тремя пленными, бежавшими недавно из Хаугснесса. Немецкий патруль заметил дым костра, разведенного беглецами, и захватил их врасплох. О дальнейшей судьбе их мы почти ничего не слышали. Их следы обрываются в Бергенском гестапо.

24 февраля

Ион принес письмо от Леонида. Он так трогательно пытается писать некоторые слова по-норвежски, желая сделать нам приятное: «Гу морген, камрат! Очень большое такк (спасибо) за одеяло, мельк (молоко), суппе и вообще за человеческое отношение».

Мы регулярно навещаем его. Приносим еду, газеты и последние новости, записанные Ионом по радио. Главное, что его интересует, — как положение на фронте? Где наши?

Фашисты несколько раз проводили облаву, но безрезультатно. Если бы они знали, что Леонид находится лишь в часе ходьбы от лагеря!..

16 марта

Смерть вновь посетила русский лагерь. Василий Лебедев — пленный № 28057, родился 29 декабря 1919 г., был расстрелян в 11 часов вечера 14 марта. За какую-то провинность фашисты посадили его в сарай-карцер и на следующий день расстреляли.

Убитого привезли на кладбище, где происходили похороны одного из местных жителей. Немцы разрешили священнику отпеть русского.

Говорят, что в лагере остался брат убитого, который поклялся отомстить палачам.

В лагерь назначили нового коменданта. Он австриец, и зовут его Вингович. Возможно, с ним удастся договориться о помощи пленным. Вингович, говорят, дал распоряжение об улучшении

питания, он иногда берет с собой двух-трех пленных на рыбную ловлю. В разговоре с одним из пленных он обмолвился, что ненавидит войну и немцев. Немцы захватили его страну, и война лишила его жены и двух сыновей. Ищу повода поговорить с ним.

Немцы создали сейчас новый лагерь в Ленсой, примерно в миле от Оса. Туда перевели 85 пленных из Хаугснесского лагеря.

28 апреля

Сегодня исполнилось 4 месяца с тех пор, как Леонид бежал из лагеря. Получила письмо от него и «фотографию» — портрет, нарисованный им по изображению в зеркале. Он уже хорошо пишет по-норвежски. Я раздобыла для него шведско-русский словарь.

К сожалению, Вингович (начальник лагеря) быстро уехал, и вместо него приехал Майер. Решила попытаться начать с маленького — спрошу разрешения передать пленным немного цветов. Если сойдет хорошо и удастся постепенно завоевать доверие немцев, можно будет понемногу наладить передачи продовольствия.

Сегодня в рыбной лавке встретила Майера. «Не разрешит ли господин комендант передать немного цветов бедным пленным?» Майер вначале замялся, но потом, видимо решив показаться великодушным, ответил согласием.

Я обегала всех знакомых, и к вечеру мы с мужем привезли к лагерю целую тележку цветочной рассады. Правда, если бы немцы были повнимательнее, то они заметили бы, что там почти половина овощной рассады.

12 мая

Обрадованная успехом, я вновь обратилась к Майеру, на этот раз с просьбой послать ко мне пленных помочь убрать сельдерей. К моему удивлению, Майер сам пожаловал вместе с пленными. Я хорошенько вначале угостила коменданта и затем спросила, не могу ли я предложить немного кофе и бутербродов пленным. Майер не смог отказать, и это была моя первая небольшая победа.

Невеселая это была трапеза. Пленные ели и наверняка вспоминали то время, когда они вот так же могли сидеть за домашним столом, свободными людьми. Но это длилось недолго. Прозвучало короткое «генук»[6], и пленных погнали обратно.

21 мая

Леониду приходится покинуть «Оппехюс». В Тесдале, неподалеку от домика, немцы начали какое-то строительство. К этому времени наши люди из «Йеммефронта» взяли шефство над Леонидом. Они помогли ему укрыться в глубине гор. Нам пришлось попрощаться с Леонидом, ибо связь с ним будет теперь сложным делом. Леонид очень доволен, что наконец-то установил связь с движением Сопротивления и сможет принять участие в общей борьбе.

Я получила прощальное письмо от Леонида и спрятала туда, где уже хранилось более десятка его писем, — в жестяной коробке, зарытой в саду. Немцы не смогут найти письма даже при самом тщательном обыске. Там же я прячу и дневник.

2 июня

Уже июнь, леса покрыты густой зеленью, в садах много цветов. Знакомые садовники дали мне массу чудесных цветов, и я вновь пошла с ними в лагерь. Меня могут спросить, зачем пленным цветы, когда им нечего есть? На это я могу ответить, что, во-первых, если человек находится в самых ужасных условиях, то это еще не значит, что он потерял способность чувствовать (я это видела по глазам пленных), во-вторых, эти цветы — символ нашей симпатии к пленным и, в-третьих, для меня они средство изучения неприятельского лагеря, разведка.

И вот я стою в караульном помещении. Часовой докладывает офицеру по телефону. В ответ — приказ: «Тщательно просмотреть все цветы». Солдаты распотрошили все букеты, они перетряхивали каждый цветок, надеясь найти там что-нибудь запрещенное — еду, письма и т. п. Неужели они думали, что я настолько глупа, что ненужным риском отрежу себе путь помогать пленным в дальнейшем.

…Через два дня я приготовила две дюжины бутербродов, сварила овсяный суп и вместе с цветами принесла все это в лагерь. После долгих просьб мне удалось уговорить коменданта передать пищу больным пленным. Комендант вызвал доктора Пауля (так немцы называют одного из пленных) и разрешил взять бутерброды и суп. Позднее я узнала, что цветы немцы выбросили на помойку, так как «это слишком шикарно для пленных».

16 июля

Мне все чаще удается передавать в лагерь пакеты с едой. Иногда вместе с цветами, иногда через охранников-австрийцев, с которыми я завела знакомство, иногда с разрешения коменданта для тяжелобольных пленных.

Многих пленных я уже знаю в лицо и по именам. Большую помощь мне оказывают два пленных доктора — доктор Вилли и доктор Пауль, как мы их называем. Настоящее имя доктора Пауля — Павел Михайлович Романенко, фамилии доктора Вилли я не знаю. Его настоящее имя — Василий. На положении врачей — немецких врачей в лагере нет — они пользуются относительно большей свободой и всячески стараются облегчить участь своих соотечественников. Но как им, так и мне приходится действовать очень осторожно. Среди охранников есть очень опасные типы, как, например, Кофферман, которого мы зовем Священником. На вид он добр и безобиден, на самом деле — очень злой и бездушный нацист.

Но, к счастью, не все такие, попадаются и неплохие ребята, особенно среди австрийцев и насильно мобилизованных поляков. Австриец Сюттер часто помогает мне незаметно передать пищу в лагерь. Некоторые часовые берутся за это дело из-за хорошей взятки; недаром пословица говорит: «Золото открывает все ворота». Золота у нас, правда, нет, но жадные немцы охотно берут шерстяные вещи.

Другая большая проблема — как раздобыть продовольствие. С приходом немцев у нас введена строгая карточная система, и многие местные жители сами голодают. Немцы конфисковали в Осе почти весь скот.

Но, несмотря на большие затруднения с продовольствием, мне удается всегда найти что-нибудь для передачи.

Во многих магазинах и лавках знают, что я помогаю русским, и часто отпускают мне продукты без карточек и по сниженным ценам. В булочной фрекен Алсакер я часто получаю хлеб даже бесплатно. В Осе я обращаюсь ко многим семьям, в том числе и к малознакомым. Завела большую переписку. Знаю, что это связано с риском, но верю в людей и знаю, что большинство симпатизирует русским и захочет им помочь. И действительно, почти никогда я не встречала отказа. Иногда люди сами приходят ко мне и приносят муку, овощи, копченую салаку, иногда немного мяса. Ведь у нашего народа доброе и отзывчивое сердце, а эти славные русские — наши союзники.

25 июля

Русские могилы на кладбище начинают обваливаться. Столбики со скупыми надписями покосились, земля осыпалась, могилы зарастают бурьяном. Вчера с помощью мужа решила привести их в порядок. Обложили холмики дерном, на каждую могилу поставили ящички с цветами.

Пленные в лагере просили передать благодарность за это, за то, что мы не забываем их погибших товарищей.

В наших садах поспели фрукты, много ягод. Удалось передать несколько ящиков пленным.

Каждый день хожу к озеру, где немцы начали строительство туннеля, подземных складов и бомбоубежища на случай вторжения союзников. Дела немцев на фронте не блестящи, это видно по их кислым физиономиям.

На строительстве работают трое молодых русских: Петр, Иван и Виктор. Через часового-француза нам часто удается передать кое-что для пленных. Нам в этом помогают ребятишки, на которых немцы обращают меньше внимания. Но, видимо, кто-то донес коменданту об этом, и француза вскоре сменил красноглазый Фриц — Кролик. Когда дети попытались приблизиться к месту работ, он, угрожая автоматом, разогнал их. Мой визит к Фрицу также был безуспешным. На все мои уговоры он отвечал «цурюк»[7] и тыкал мне в грудь дулом автомата.

Но Нелли и Кристина, которые живут рядом со строительством, нашли выход. Еще до прихода пленных они раскладывают пакеты с едой в сарае, под камнями, в канавах.

26 сентября

Уже подходит к концу сентябрь. После некоторого перерыва пришло письмо от Леонида. Он сейчас скрывается в горах, вместе с парнями из «Милорга». Фредрик, наш сосед, регулярно поддерживает с ним связь: приносит сводки о положении на фронте, еду и т. д. Чуть ли не каждый день, с тяжелым рюкзаком на плечах, он проделывает сложный и опасный путь по горам. Никто из наших даже и не подозревает, куда ходит Фредрик. Леонид уже сносно говорит и пишет по-норвежски (вернее, на смеси норвежского и шведского, так как у него только шведский словарь). Ручку он сделал из гусиного пера. Настроение у него бодрое, он верит в скорую победу.

Памятник советским военнопленным воздвигнутый на средства жителей городка Ос, собранные М. Эстрем. Передавая этот снимок для печати, М. Эстрем сказала: «Пусть родные и близкие советских людей, погибших в фашистском плену в Норвегии, увидят, что мы, норвежцы, бережно храним память о тех, кто отдал свою жизнь в общей борьбе. Может быть, это будет хоть небольшим утешением в их горе».

30 сентября

Наступило время уборки картофеля. Все кругом с утра до вечера копаются на своих участках. Я обошла многих знакомых и попросила их поделиться картофелем с русскими пленными. Один фермер обещал отвезти в лагерь несколько мешков, я предупредила об этом доктора Вилли. Однако он ждал напрасно: видимо, фермер испугался и решил отсидеться дома. Тогда я и Рейнгольд обратились к другому фермеру, который разрешил нам взять четыре мешка. На своих плечах мы перетаскали картошку к лагерю. Нашему примеру последовали и другие жители Оса.

На пленных надвигается другая беда: наступают заморозки, а у них нет ничего теплого. Доктор Вилли рассказал, что даже тяжелобольные вынуждены ходить босиком. Ноги у большинства сбиты в кровь, опухли.

Немцы недавно выдали пленным обувь — полуразвалившиеся ботинки, сапоги, рваные галоши. Причем вся обувь разных размеров. Я решила поговорить с знакомыми женщинами, все сразу же горячо откликнулись. Через несколько дней у нас было 120 пар шерстяных чулок, несколько десятков рукавиц, шарфов. Мы собрали также шерсть, из которой связали много прекрасных

теплых вещей.

Люди с радостью отдавали последние теплые вещи, когда мы рассказывали им, для кого они предназначены. Даже в доме для престарелых нам дали кучу полезных вещей.

Проблема с передачей была решена довольно просто: мы знали одного фельдфебеля в лагере, который был падок на норвежские шерстяные вещи с национальными узорами. Я подарила ему вязаные гетры и перчатки мужа, и фельдфебель взялся передать остальное доктору Вилли. На следующий день Вилли условным знаком дал мне понять, что все в порядке.

1 ноября

Соседи сказали мне, что приходил Майер и спрашивал меня. Он был чем-то очень разозлен, бранился и грозил упрятать меня за колючую проволоку.

Догадываюсь, в чем дело: он мне не давал разрешения на передачу теплых вещей. Нужно быть поосторожней и иметь это в виду следующий раз. Майер — человек не злой, но не любит, когда его обходят, и боится за свою карьеру. Если гестаповцы пронюхают о наших делах, то и Майеру несдобровать.

Но все-таки нам удалось передать в лагерь еще 42 пары носков, собранных фру Биркеланд.

12 декабря

Фредрик сообщил, что «Йеммефронт» переправил Леонида в Берген, а затем на юг, в район Драммена, где действуют наши партизанские отряды. Леонида переодели в крестьянское платье, и под видом норвежца он добрался до Драммена в поезде, набитом немецкими солдатами.

Когда-то мы увидимся с ним?

24 декабря

Сегодня сочельник. Уже больше года прошло, как русские пленные появились в наших краях.

Только что получила открытку от Леонида, он сейчас на нелегальном положении в Драммене. Открытка написана по-норвежски: «Наилучшие пожелания с рождеством и Новым годом от Хокона Хансена. Добрался благополучно, все в порядке. Привет

всем». Я сразу же узнала почерк Леонида. Хокон Хансен… Вновь пришлось ему сменить имя и фамилию. Леонид Днепровский тоже не настоящее — имя — он сам говорил об этом.

Все предрождественские дни были заняты тем, чтобы приготовить пленным к празднику что-нибудь вкусное. Соседи и знакомые принесли из своих скудных запасов муку, маргарин, сахар. Вместе с фру Эвредал мы целую ночь пекли в нашей сельской пекарне рождественские булочки, а затем раскладывали их по пакетам. Пришлось отложить немного на долю часовых. Сделали всего 135 пакетов. С этими пакетами я явилась к коменданту. Майер, бывший уже навеселе, лично осмотрел все пакеты и приказал раздать их пленным. Затем он притащил бутылку шнапса и предложил выпить за рождество. «Нет, спасибо, — сказала я, — у нас в семье это не принято». Майер взбеленился и хлопнул дверью. Ну и пусть его — самое главное, что пленные получили подарки.

27 декабря

Пленные передали мне через часового-австрийца свои подарки: меховую шапку, сшитую лагерным портным, и прекрасные рисунки, нарисованные Виктором — кузнецом. Это я сохраню как дорогую память.

Приближается новый, 1944 год. Надеюсь, что он принесет мир и свободу, которую все так ждут…

14 января 1944 года

Еще в сентябре прошлого года немцы устроили новый лагерь для русских в Тесдале, в 10 километрах от Оса. Этот лагерь значительно меньше, чем в Хаугснессе. Здесь помещается всего 15 пленных, которые строят укрепления. Мы регулярно помогаем и им. Сегодня передали туда 15 пар теплых носков и перчаток, собранных нашими женщинами.

Отовсюду мне передают подарки для русских. Многих я даже не знаю. Сегодня мне, например, принесли 7 килограммов овсянки, 5 килограммов сахара, 5 килограммов муки, несколько свертков хлеба. Тот, кто послал это, пожелал остаться неизвестным. Часто получаю письма с деньгами, хлебными талонами. Очень много мне помогает фру Б. Мосефьорен. На днях передала мне 100 крон, 10 килограммов муки, 10 килограммов овсянки. Вчера прибежали две девчушки с деньгами, которые они

собрали в школе. Много, очень много хороших и честных людей у нас. Веду точный список всех подарков и тех, кто их передает. После войны расскажу об этих добрых и смелых людях.

8 февраля

Доктор Вилли попросил меня достать что-нибудь почитать для пленных. В нашей местной библиотеке нет ничего на русском языке, да и было бы неразумно навлекать на себя подозрения. Пришлось ехать в Берген. В библиотеке молоденькая библиотекарша удивленно посмотрела на меня, когда я спросила, какие книги у них есть на русском языке. Впрочем, сообразительная девушка не стала задавать ненужных вопросов и предложила мне два томика Толстого и Пушкина, которые я и взяла на свое имя.

22 февраля

Пока трудновато доставлять продовольствие пленным, работающим на строительстве в Моберге. Лишь несколько раз удавалось «потерять» несколько пакетов в канаве или передать через часового-поляка. Часовой рассказал мне, что немцы строго-настрого запретили полякам рассказывать о своей национальности местным жителям. Они боятся, что население будет симпатизировать этим людям, которых насильно заставили служить своему врагу.

Доктор Вилли догадывается, что Леонид жив и скрывается у наших. Сегодня, когда я принесла суп пленным, доктор шепотом спросил: «Где Леонид? Он жив?» Я ничего не ответила, а только приложила палец к губам. Вилли понял это и шепнул: «Спасибо, мама, спасибо!»

5 апреля

Ничего не писала в дневнике за прошлый месяц. Собственно, все было по-старому. Пищу удавалось передавать пленным 4–5 раз в неделю.

Вновь наступает весна. Тяжелая зима позади. Настроение у пленных с каждым днем улучшается, а у немцев соответственно падает. Виной этому — новости с фронта.

Доктор Пауль, на лице которого я никогда не видела улыбки,

сейчас повеселел и даже насвистывает, собирая на полянке около лагеря различные коренья для пленных. «Витамины!» — говорит он, встречая меня, и подмигивает.

Не так легко сообщать в лагерь о положении на фронте, но все-таки это удается. Иногда вместе с едой в руки пленных попадает записка, иногда дети поджидают колонну пленных и хором скандируют название только что освобожденного города. Пленным часто достаточно намека. Например, пленные пришли ко мне сегодня за сельдереем. Вместе с ними двое часовых. Приветствуя их, я говорю: «Отличная погодка». Пленные смотрят на мрачные тучи, чуть не задевающие крыши нашего домика, и понимающе кивают в ответ.

14 апреля

Доктор Вилли шепнул мне сегодня, что всех пленных скоро переводят в другой лагерь, находящийся во Фьелле. Это сообщение нас опечалило и встревожило. Мы слышали, что во Фьелльском лагере очень строгие порядки. Охрана состоит там в основном из эсэсовцев, а не обычных солдат, как в Осе. Туда отправляют особо опасных пленных. Видно, до гестаповского начальства в Бергене дошли слухи о контакте, которое население Оса установило с русскими. Сюда последнее время зачастили гестаповские офицеры из Бергена. Не обошлось, судя по всему, дело и без местных доносчиков-квислинговцев.

Сегодня воскресенье, и мы, как обычно, собрались у лагеря, чтобы послушать русские песни. А поют пленные замечательно, хотя песни и печальные. Люди стояли как завороженные и слушали, слушали. У многих на глазах были слезы.

Но тут-то и случилось то, чего нужно было ожидать давно. Внезапно подъехало несколько грузовиков с потушенными фарами, и в течение двух-трех минут мы оказались окруженными эсэсовцами. Это произошло так неожиданно, что никто не успел и опомниться. Солдаты разбили нас на группы и стали проверять паспорта. У двадцати человек, в том числе и у меня, не оказалось документов. Немцы погнали нас в комендатуру. Одна женщина вцепилась в мой рукав и, всхлипывая, повторяла: «Что же будет теперь с нами?» Я старалась ее успокоить, хотя на душе у меня было неспокойно. Однако на этот раз все обошлось благополучно. После нескольких часов допроса и угроз нас выпустили. Вероятно, гитлеровцы задумали этот спектакль для нашего устрашения. К более решительным мерам они не осмелились прибегнуть, видимо, не желая обострять отношений с местным

населением. Да и времена сейчас уже не те. Их «рейх» трещит по всем швам.

Но, во всяком случае, это будет большим уроком для всех, кто занимается помощью пленным. Нужно действовать осторожнее. Гитлеровцы в следующий раз могут показать зубы. Ведь и издыхающая змея может жалить…

12 мая

Приближается день отъезда пленных во Фьелль. После облавы Майера вызвали в Берген, и больше он не возвращался. Возможно, что его отправили на Восточный фронт за «либеральничанье с пленными и местным населением». У немцев это делается быстро.

Доктор Вилли спросил меня сегодня: «Какие новости с фронта, мать?» Я ему ответила: «Немцы уже проиграли войну, сынок! Это агония».

15 июня

Ну вот и все. Хаугснесского лагеря больше не существует. Всех пленных отправили на баркасах во Фьелль. А вместе с ними уплыла и частица моего сердца. Полтора года делили мы все — хорошее и плохое — вместе с этими замечательными русскими парнями. Имен их я всех не знаю, да и не запомнила бы. Но уверена, что довелись мне через несколько лет встретиться с кем-нибудь из этих 121 русских на улице, узнала бы сразу.

Кузнец Виктор, машинист Степан, повар Иван-большой, доктор Вилли и доктор Пауль… Они уехали, а на память остались лишь трогательные самодельные подарки: алюминиевая шкатулка, сделанная Степаном, мой портрет, нарисованный Виктором, несколько шкатулок, искусно сделанных с помощью заточенного гвоздя, да большая грусть в сердце. Но не нужно давать побороть себя этой грусти. Впереди еще много дел. Еще томятся пленные в Тесдале, Моберге, самом Бергене. Им нужно помочь, а хаугснесским пленным наверняка помогут жители Фьелля. Везде есть люди, которые протянут им руку…

Перед отъездом русских на причале собралось множество наших. У нас было такое чувство, как будто мы прощаемся с родными. Когда баркасы начали отходить от причала, через борт полетели цветы, пакеты с продовольствием, одеждой, табаком. Накануне мы целую ночь готовили эти прощальные подарки, а

собирали все необходимое больше недели. Я думаю, что в Осе не нашлось семьи, которая бы не дала чего-нибудь для пленных. Достаточно было только сказать: «Для наших пленных…»

10 июля

Наш сосед, на днях ездивший в Берген, рассказал, что среди военнопленных в местном лагере, недалеко от Нюгордспарка, находятся несколько человек из Хаугснесского лагеря. Я сразу же отправилась с попутной машиной в Берген. В городе я обратилась к шоферу, возившемуся со своей машиной неподалеку от меня: не знает ли он, где поблизости находится лагерь для русских пленных? Шофер объяснил мне дорогу и, узнав зачем я туда отправляюсь, посоветовал быть осторожной и пожелал успеха.

Мне повезло: за колючей проволокой я сразу же увидела Ивана-большого, обстругивающего доски для барака. Я, пожалуй, не меньше обрадовалась, когда среди часовых заметила знакомого австрийца Полони. До войны он жил в Осло и был музыкантом. Через него я часто передавала посылки в Хаугснессе. Он должен мне помочь и сейчас.

Когда мне удалось увидеться с Полони, он предупредил, что здесь нужно действовать осторожно. Кругом много гестаповцев и полицейских шпиков. Я передала для пленных несколько свертков с хлебом и книги, которые получила в городской библиотеке.

15 июля

Пять дней мы с мужем отдыхали в гостях неподалеку от Бергена. Я использовала это время для того, чтобы собрать подарки для пленных. Набрался большой узел, который я передала в Нюгордский лагерь. Часовой, стоящий около какого-то склада по дороге в лагерь, подозрительно смотрел на меня, когда я проходила мимо с большим узлом. Если бы ему пришло в голову окликнуть меня, то мне трудно было бы объяснить, кому я несу несколько десятков теплых носков, копченую селедку и два томика Горького.

Когда я передавала все это Полони, неожиданно появился эсэсовский офицер. Увидев меня, он строго спросил австрийца: «Что делает здесь эта женщина?» Тот немного растерялся, но затем ответил: «Она принесла мне кое-какие вещи из стирки». Эсэсовец подозрительно посмотрел на нас, пробурчал что-то и отошел.

5 августа

Перед лагерем в Бергене усилена охрана. На заборах немцы развесили большие плакаты: «Воспрещается подходить к лагерной ограде, смотреть через нее».

На днях узнала, что в морском госпитале в Хагевике лежит испанец Мигуэль Варела. Он дрался во время гражданской войны в Испании на стороне республиканцев, а после победы франкистов пробрался в Норвегию. У него открылись старые раны, и уже более полутора лет он прикован к постели. Этому замечательному человеку я принесла свежих ягод и цветов. Он довольно хорошо говорит по-норвежски. Как ребенок, он радовался скорому выздоровлению.

16 августа

Удалось установить связь с пленными, которых перевели из Оса в Фьелль. Я узнала, что каждый день в Берген приезжает почтальон из Фьелля. Уговорила его взять немного еды для военнопленных. В будущем, может быть, удастся передать побольше. Во всяком случае, хорошо уже то, что восстановлена ниточка, порванная в связи с отъездом пленных из Оса.

6 октября

Позавчера поехала в Берген, но неудачно. Попала в самый разгар воздушной тревоги. Нас загнали в бомбоубежище, где мы прождали несколько часов. Это был ужасный день для Бергена. Англичане бомбили город, особенно портовую часть, где скопилось много немецких судов, а также Лаксевог, где строилась база подводных лодок (на строительстве работали русские пленные)[8].

11 октября

Каждый день посещаю лагерь в Тесдале. Начальник охраны согласился передавать пищу пленным — конечно, при условии, что и ему будет перепадать что-нибудь вкусное. Вместе с нашими женщинами по вечерам носим продукты в лагерь. Очень устаю, путь неблизкий (16 километров туда и обратно), дорогу сейчас размыли осенние дожди. Зато усталость как рукой снимает, когда

вижу радостные глаза переводчика Василия (до войны он был ветеринарным врачом), принимающего еду для своих товарищей. Он попросил у меня мою фотографию и потом рассказал, что пленные сделали рамочку и повесили фотографию в бараке. Меня, правда, это не столько тронуло, сколько испугало. Но Василий успокоил: если немцы спросят, кто это, то он ответит, что на фотографии его мать. Узнать же меня на фотографии нелегко: карточка старая, довоенная.

В Тесдале пленных немного, всего 15 человек. Немцы гоняют их на строительство мола в Осе. Нам уже удалось обеспечить их теплой одеждой перед наступающими холодами.

Часто вспоминаю о пленных, переведенных из Хаугснесса во Фьелль. Как-то они там? До Фьелля не так легко добраться.

21 октября

Сегодня встретила Сюттера, австрийца, который был охранником в Хаугснесском лагере. Он привез мне привет от пленных во Фьелле и рассказал, в частности, что Вилли тяжело болен. Сюттер спросил меня: «Почему вы не навестите пленных в Фьелле? Они часто вспоминают вас и ждут». Я сказала, что это может быть опасно, так как во Фьелле много гестаповцев. Но Сюттер успокоил меня, сказав, что в лагере осталась только обычная охрана. Гестаповцев куда-то перевели.

Решила поехать во Фьелль в первую же субботу. Начну готовить посылки, нужно оповестить всех знакомых.

1 ноября

Ну вот, все обошлось почти благополучно. Поездка во Фьелль позади. Расскажу все по порядку.

Целую неделю я готовилась к этой поездке. Наши женщины — фру Твейт, Нелли, Моберг, Лепсе, Теньюм, Медос и другие — помогали мне. Отовсюду мне несли копченую рыбу, сардины, окорока, хлеб, теплые вещи. Набралось пять больших узлов. Деньги на мою поездку тоже были собраны сообща.

Рано утром 28 октября я добралась с попутной машиной в Берген. На пристани меня ожидал сюрприз. Человек, принимающий багаж, сказал, что для посещения Фьелля нужно специальное разрешение властей. Я долго плутала в огромном здании комендатуры, пока ко мне не подошла какая-то женщина и не спросила, что мне нужно. Я сказала, что хочу получить

разрешение.

«А что вы собираетесь делать во Фьелле?» — «Навестить знакомых». — «Это запрещено», — ответила женщина. Тогда я решилась рискнуть. У моей собеседницы было симпатичное открытое лицо. «Я скажу вам правду. Во Фьелль я еду, чтобы передать посылки русским военнопленным». Женщина внимательно посмотрела на меня и сказала: «Это другое дело. Я вам помогу». Через минуту она мне вручила написанное по всей форме разрешение. «В следующий раз будьте осторожнее и обращайтесь только ко мне. Здесь очень много нацистов».

Не чуя под собой ног от радости, я побежала на пристань. По дороге завернула к Нюгордскому лагерю и передала немного булочек и цветов для больных пленных. В городе встретила доктора Пауля, Ивана-большого и двух незнакомых пленных, которые шли в сопровождении вооруженных конвоиров.

На пристани кладовщик вновь огорошил меня. Оказывается, нужно еще одно разрешение для того, чтобы попасть на машину, курсирующую между Братхолменом и Фьеллем. Пришлось рассказать и ему о цели моей поездки. И вновь слова: «Я еду к русским военнопленным» оказались магической формулой. «Я дам вам записку, которую вы отдадите в Братхолмене шоферу машины», — сказал кладовщик. На листке, вырванном из конторской книги, он написал следующее: «Гуннару Монсену. Прошу тебя обеспечить место в твоей машине для этой женщины. У нее с собой небольшой багаж (5 мест), который ты должен как-нибудь пристроить. Она помогает нашим ребятам, которые находятся в лагере».

Записка была подписана девизом нашего короля, который в годы войны стал девизом движения Сопротивления: «Алт фор Норге!» («Все для Норвегии!») Затем шла подпись — Альф Томассен.

Томассен помог мне погрузить вещи на пароход. Там я рассказала одному из матросов, куда и зачем я еду. Он согласился помочь мне и надежно спрятал все в трюме. «Можешь ехать спокойно, мать», — сказал он. И действительно, путь прошел без осложнений. Единственно, чего я боялась, это «полиции цен»[9]. Но на этот раз она не беспокоила нас. На палубе было много пассажиров, в том числе немцы в форме. Я разговорилась с одной женщиной. Узнав, куда я направляюсь, она дала мне десять крон для пленных. Ее близкие томились в немецком лагере.

В Братхолмене я обратилась к шоферу грузовика, идущего во Фьелль. «А разрешение властей у вас есть?» — спросил он. Я показала ему записку от Томассена. Прочитав ее, шофер подозвал

мальчика и приказал ему принести мои вещи.

От церкви, где остановилась машина, меня довез сосед фру Сигне, к которой я ехала в гости.

Первым, кого я встретила в доме Сигне, был… Иван, которого я хорошо знала по Осу. От неожиданности и радости он только повторял: «Ты здесь, мать?» Немцы заняли почти все дома во Фьелле, и в домике Сигне, примыкавшем почти вплотную к русскому лагерю, поселился лейтенант, недавно назначенный комендантом лагеря. Иван исполнял обязанности его денщика.

Все эти новости Сигне мне рассказала, пока мы сидели за кофе. Окончить беседу нам не удалось. Появился встревоженный Сюттер, который сообщил, что комендант лагеря пришел в бешенство, узнав, что я приехала во Фьелль. Сюттер передал приказ коменданта: запрещается выходить из дома, когда мимо будут проходить русские, а завтра утром я должна вернуться в Берген. В противном случае… Ну, эти немцы никогда не скупились на угрозы. Оказывается, местный почтальон-нацист видел меня сходящей с парохода и донес об этом коменданту.

Мне пришлось покинуть Сигне и переночевать в соседнем доме. В половине второго я была разбужена ужасным грохотом. Домик сотрясался от взрывов. Кругом было светло, как днем. Первой нашей мыслью было — английский десант. Началось освобождение! Но на этот раз был просто налет авиации, союзники бомбили Фьелльские укрепления. Половину ночи мы провели в убежище.

В воскресенье я, конечно, не уехала, хотя лейтенант и справлялся, выполнен ли его приказ. Сюттер обещал помочь мне увидеться с русскими.

На следующий день в шесть часов утра я уже стояла в дверях домика Сигне. Мимо проходили пленные, которых немцы гнали на работу в горы. Предупрежденные Сюттером, пленные смотрели в мою сторону и украдкой здоровались. У меня слезы текли по щекам. Вон идет Виктор — кузнец, Петр… Какие у них измученные лица!

Часть из привезенного мною удалось передать через хозяина домика, где я жила. Он работал в лагере и кое-что смог переправить туда. Доктора Вилли я так и не видела. Он был тяжело болен. Но мою посылку он получил.

К моему огорчению, часть продуктов и вещей пришлось забрать с собой обратно. Не было никакой возможности передать их.

На обратном пути в Берген познакомилась с одной женщиной, сын которой был арестован немцами и отправлен в Германию. Она рассказала, что готовит ему посылку через

шведский Красный Крест. В результате нашего разговора кое-что из предназначавшегося для русских попало в посылку, идущую норвежскому юноше, томящемуся в Германии.

В Бергене мне сразу бросились в глаза разрушения — результат бомбежки позапрошлой ночью, когда я была во Фьелле. Повреждены старый театр, много жилых домов. Опять сильно пострадал Лаксевог.

От знакомых, у которых я остановилась, узнала, что в больнице на Парадисе находится несколько русских пленных. Сразу же поехала туда. Оставив чемодан с пакетами для пленных в табачном магазинчике, я пошла в больницу. В приемной обратилась к миловидной медицинской сестре и спросила, не могу ли я передать немного цветов и еды русским пленным. «Это категорически запрещено. Но можно сказать, что это для английского летчика, лежащего в той же палате». Немцы относятся к пленным англичанам иначе, чем к русским. Фридель — так звали эту сестру — помогла мне все устроить.

В Ос я вернулась с пустыми чемоданами, довольная, что поездка прошла удачно.

23 ноября

Пока все обходится хорошо с передачами пленным в Тесдале. Вахмистр Стевендаль почти никогда не отказывается передать в лагерь мои посылки — будь то книги или продовольствие. Он разрешил даже прийти в лагерь нашему парикмахеру и постричь пленных. Делалось это под большим секретом, так как после прихода немцев парикмахер «бастовал», не желая обслуживать оккупантов.

Сегодня пришлось пережить несколько неприятных минут. Я решилась вновь посетить больницу на Парадисе. Часовой пропустил меня, когда я сказала, что хочу повидать сестру Фридель. Правда, ее мне найти не удалось, зато в коридоре я увидела Ивана-большого. Я отдала ему все пакеты, а затем он провел меня в палату. Русские, их там было несколько человек, очень обрадовались мне, и через несколько минут я сидела в их тесном окружении. Вдруг я случайно посмотрела на дверь и оцепенела от испуга. В дверях стоял врач-немец в белом халате и в упор смотрел на меня. Я сказала себе: «Сегодня ты зашла слишком далеко». Резким голосом немец приказал пленным разойтись и обратился ко мне: «Следуйте за мной!» В воротах он спросил у часового: «К кому приходила эта дама?» — «Она спрашивала сестру Фридель», — испуганно ответил часовой,

почуявший неладное. «Что вам нужно от сестры Фридель?» Я сказала первое пришедшее в голову: «Мне хотелось навестить больного унтер-офицера Винговича, которого я знаю по Осу». — «У нас в госпитале такого нет». — «Пусть господин врач великодушно простит меня. Я старая женщина и могла ошибиться. Возможно, Вингович в другом госпитале». Не знаю, поверил ли мне немец, или ему было не до меня, но он вскоре удалился, предварительно сделав выговор часовому.

Вернувшись домой, я сказала мужу, что с минуты на минуту нам нужно ждать гестапо. Я не уверена, что мое посещение больницы пройдет безнаказанно. Спали мы беспокойно. В третьем часу нас разбудил стук в дверь. На улице стояли шесть вооруженных немцев. Пока Рейнгольд открывал им дверь, я приготовилась к худшему. Я не боялась, нет, я только думала о том, как же теперь будет с помощью пленным. Двое немцев остались на улице, остальные вошли в дом. Мне, Рейнгольду и Якобу приказали спуститься в столовую. Тем временем гестаповцы начали обыск. Искали всюду: в подвале, на кухне. Постепенно я успокаивалась. Если бы они пришли за мной, то вряд ли тратили бы время на обыск. Но когда дошла очередь до комнаты Якоба, я действительно испугалась — за Якоба. Я вспомнила, что на днях он принес откуда-то автомат и спрятал его под своим матрацем. Я его уже несколько раз просила не хранить оружие дома. Но немцы, к счастью, были утомлены и делали обыск не особенно тщательно. После их ухода мы уже не спали и только думали о цели этого ночного визита.

24 ноября

Наутро все объяснилось. Немцы устроили массовую облаву на патриотов. До них дошли слухи о существовании в нашем городке сильной «милорговской» труппы. Но в лапы им попались немногие. Наши оказались проворнее и укрылись в горах.

В частности, немцам не удалось схватить руководителей — Мовинкеля Нильсена и Ивара Дюнгеланда. Дюнгеланд работал в конторе ленсманна[10] в нашем городке. С приходом немцев он не бросил этой должности, а использовал ее для помощи патриотам. Он снабжал необходимыми документами многих, вынужденных скрываться от оккупантов. Когда немцы заподозрили что-то неладное, то было уже поздно. В мае этого года Ивар скрылся в горах.

25 ноября

Вновь ходила в Тесдаль. Была отвратительная погода — дождь, слякоть, на небе ни звездочки. С трудом добралась до домика брата. Хотела попросить его проводить меня до лагеря. Еле достучалась, все двери и окна в домике были закрыты. Брат объяснил, что боится обыска. Во время облавы он был на волосок от смерти. Немцы окружили фабрику, где он работает, и открыли огонь из пулеметов и автоматов по окнам и дверям. «А куда ты собираешься в такую погоду, Мария?» — «В Тесдаль, к русским». — «Ты что, сошла с ума? Сейчас все дороги кишат гестаповцами!» Он предложил переночевать у него, но я отказалась. Пленные должны получить то, что я им несу.

В Тесдаль мне пришлось идти одной, брат не пошел со мной. Путешествие через лес было не из приятных. Ноги проваливались в грязи, тяжелый рюкзак оттягивал плечи, ветер грозил задушить слабое пламя «летучей мыши», моей верной спутницы во всех странствиях от дома до лагеря. Зато пленные получили мясо и лекарство.

Поляк-часовой с сочувствием посмотрел на меня, когда я отправилась в обратный путь. Этот часовой всегда хорошо относится к пленным. Он химик из Варшавы. Немцы расстреляли одного его брата, а другой погиб в концлагере. Он сам сидел в лагере около трех лет. Я уже писала, что немцы запрещают полякам говорить о своей национальности.

31 декабря

Наступает новый, 1945 год. Неужели и он не принесет нам освобождение? Хотя нет, все идет к этому. У немцев дела плохи, хотя они и пытаются скрыть это. Но люди знают правду. Об этом рассказывают нелегальные газеты, передачи из Лондона. Хорошие новости распространяются быстро.

Последние недели старого года ушли в заботах о том, чтобы приготовить угощение для пленных. Как и раньше, пекари из кооператива напекли несколько сот рождественских кексов, пышек. Муку мы собрали среди жителей. Все это предназначалось для пленных в Тесдале и Бергене. Пришлось поломать голову над тем, как передать такое большое количество в Нюгордский лагерь. С Тесдалем дело проще. Лагерь стоит на отшибе, и отношения с охраной у нас хорошие.

В Бергене же нужно быть осторожнее. Австриец Антон рассказал мне, что за несколько дней до сочельника, сразу же

после того как я ушла из лагеря, там появились гестаповцы. Они повсюду искали «пожилую даму, которая помогает русским». Город переполнен немцами — и в форме и в штатском. На каждом углу торчит шпик. Когда я на днях возвращалась из Бергена, то на станции заметила двух подозрительных типов. Один был одет в какие-то неописуемые лохмотья, другой — в приличный серый костюм. Пока я ждала поезд, внимательно наблюдала за ними и заметила, как они обмениваются какими-то знаками. Дважды они даже перебросились словами. Я решила проверить свои подозрения. Ко мне подошла молодая женщина и попросила разменять 50 эре. Ей нужно позвонить куда-то. Я посоветовала обратиться к господину в сером костюме. Прислушавшись, я убедилась, что этот человек говорит по-норвежски с сильным немецким акцентом. Наверняка из тех, кто наводнял нашу страну перед 9 апреля[11] под видом туристов.

Теперь в Бергене я действую осмотрительнее. К лагерю подхожу только тогда, когда на мое двукратное «халло, халло» услышу ответное «халло». Это наш условный знак.

В Тесдале охрана даже разрешила мне на несколько минут войти в барак пленных, когда я пришла туда в сочельник. Пленные сделали мне трогательный подарок — несколько фигур птичек, искусно вырезанных из дерева, кольцо из алюминия со звездочкой и чудесную шкатулку из дерева, инкрустированную соломкой. Все это было сделано украдкой, в сумраке длинных осенних вечеров, с помощью одного только гвоздя, заточенного на конце. Подарки я обнаружила дома, когда стала развязывать рюкзак, в котором всегда ношу пищу для пленных. В бараке же мы только успели обменяться пожеланиями счастливого Нового года и, самое главное, победы и свободы.

В сочельник же мы с Рейнгольдом купили пять венков и украсили ими могилы русских на кладбище.

Вчера приезжал Вингович. Он теперь во Фьелле и привез привет от русских. Они до сих пор вспоминают мое посещение.

21 января 1945 года

«Дорогая и любимая мама!

Спасибо, спасибо тебе за все, что ты сделала для нас. Ты симпатизируешь и помогаешь нам, русским военнопленным, хотя это и связано с большой опасностью для тебя. Мама! В течение тех полутора лет, которые мы были в Тесдале, ты каждый день думала о нас и приходила к нам с пищей, теплыми вещами, русскими книгами.

Сегодня печальный день для нас, так как мы должны расстаться. Нас переводят в другой лагерь. Мы никогда не забудем тебя, дорогая мама. Ты спасла нам жизнь. Желаем тебе долгих лет счастливой жизни. Наши симпатии остаются с тобой и норвежским народом. Где бы мы ни были, мы никогда не забудем тебя».

Это письмо 15 пленных, которое растрогало меня до слез, мне украдкой сунул сегодня переводчик Василий. Дело в том, что немцы собираются закрыть Тесдальский лагерь и перевести русских куда-то в глубь страны.

1 февраля

Перевод пленных из Тесдаля в другой лагерь временно отложен. Нет нужды говорить, что все мы, и норвежцы и русские, очень довольны этим. Неизвестно еще, как будет на новом месте, а здесь все более или менее налажено.

Утром я узнала, что к причалу пришли баркасы со свежей сельдью. Якоб и фрекен Алборг дали мне 19 крон, чтобы я купила полгектолитра рыбы для пленных. Однако деньги не понадобились. Когда рыбник узнал, для кого я собираюсь покупать сельдь, он бесплатно нагрузил мои санки доверху. «Деньги оставьте себе. Купите что-нибудь на них русским парням», — сказал он.

Путь в Тесдаль на этот раз не обошелся без приключений. Было очень скользко, и я тащила санки по обочине дороги. На одном из ухабов санки перевернулись, и вся рыба высыпалась на дорогу. Я чуть не заплакала от огорчения. Сейчас появится какая-нибудь машина, и вся моя замечательная сельдь попадет под колеса. В это время на дороге появился немецкий офицер. Выхода у меня не было. Поколебавшись немного, я обратилась к немцу: «Не поможет ли герр офицер собрать сельдь?» Вот было зрелище! Офицер, сняв перчатки, усердно собирал рыбу, не подозревая, кому она предназначается. Он даже помог мне довезти салазки до ближайшего домика, где жили мои знакомые — чета Фагертун. Я настолько осмелела, что в благодарность даже предложила ему несколько селедок. Он, конечно, отказался.

Ходят слухи, что немцы собираются устроить новый лагерь в нескольких километрах от Оса, на этот раз в Ульвене.

16 февраля

Слухи подтвердились. На другой стороне Волчьего озера возник новый лагерь. Вернее, до 1942 года здесь, на месте бывших военных укреплений, был лагерь для норвежцев-патриотов. Затем всех их немцы вывезли в Германию.

Вместе с мужем (его кузница расположена неподалеку) я уже наведывалась туда. Чтобы выяснить обстановку, я прямо обратилась к начальнику охраны и спросила, нельзя ли передать немного пищи для пленных. Он ответил, что это зависит от коменданта.

В лагере заметила несколько пленных, которых видела в прошлом году во Фьелле. Немного позднее встретила их на причале, где они разгружали мотки колючей проволоки. Часовой разрешил мне подойти и дать им немного хлеба. Один из пленных поцеловал мне руку и сказал, что еще во Фьелле он слышал о «русской маме». Среди пленных оказался старый знакомый — пекарь Александр, который раньше был в Хаугснесском лагере. На следующий день встретила Степана, от которого получила шкатулку восемь месяцев назад, в день отъезда хаугснесских пленных из Оса. Степан работает сейчас на ремонте дороги у Ульвена. Он так исхудал, что я не сразу узнала его и на всякий случай спросила: «Ты Степан?» — «Да, это я, мама!» — со слезами на глазах ответил он. Пленные работали на морозе и голыми руками ворочали огромные валуны. Когда я разговаривала со Степаном, ко мне подошел конвоир и спросил, не была ли я во Фьелле. «Да, была, с субботы до понедельника». — «А, это та норвежская женщина, которая пыталась передать пленным оружие и патроны…» — «Нет, я не настолько глупа!» — «Ты, наверное, сочувствуешь коммунистам?» — «Нет, я сочувствую пленным. Если бы в таком же положении оказались твои соотечественники, то я помогала бы и им». — «Не думаю», — пробурчал часовой и отошел. Больше он не приставал ко мне.

25 февраля

Последняя неделя была хлопотливой. Я совсем сбилась с ног. Несколько дней тому назад ко мне обратился начальник лагеря в Ульвене и спросил, нельзя ли достать сельди подешевле для русских пленных. Я сразу поняла, что он имел в виду: гнилые головы и требуху, которые обычно шли в пищу в лагере. Однако я согласилась. Через знакомых рыбаков на побережье мы раздобыли отличную рыбу. Целый бот, груженный отборной весенней сельдью, через два дня прибыл в Ос. Пленные получили целых 25

гектолитров. На какое-то время мы могли быть спокойны за их питание. Однако немцы, видимо, решили нажиться на этом и отказались платить. Они рассчитали правильно. Мы вынуждены были уплатить сами. Собрать такую большую сумму — более 400 крон — было нелегко. Пришлось обойти более пятидесяти человек.

6 марта

Сегодня имела столкновение с ленсманном — уже не первое. Ленсманн — нацист и выслуживается перед немцами. Это один из наших местных заядлых квислингавцев. Он уже давно ищет повода придраться ко мне и помешать моей работе. Но такого случая пока ему не представлялось. Кое-что я делаю открыто — в тех случаях, когда имею разрешение властей. Немцы иногда, желая продемонстрировать свою «гуманность», разрешают передавать пищу в лагеря (не забывая тщательно ее проверить). Когда же такого разрешения у меня нет (а это бывает чаще всего), то все делается осторожно, через знакомых охранников.

Но сегодня я не убереглась, и ленсманн застал меня, когда я передавала хлеб и копченую рыбу партии пленных, работавших на дороге у Ульвена. Конвоир уже получил свое и стоял отвернувшись. Я и не заметила, как передо мной очутился ленсманн. Он почти бесшумно подъехал на своей машине. «Фру Эстрем, подойдите сюда! — приказал он. — Разве вы не знаете, что за помощь русским полагается расстрел? Я запрещаю вам заниматься этим. Если у вас есть что-нибудь лишнее, то принесите мне, и мы распределим это среди бедняков нашей общины». Я не стала вступать в спор с этим чванливым квислинговцем и только ответила, что поступаю так, как подсказывает мне моя совесть. Видели бы вы, как он побелел от бешенства и стал грозиться гестапо. Затем он по-немецки выругал часового, хлопнул дверцей и укатил.

Поразмыслив как следует, я решила пожаловаться коменданту лагеря в Ульвене. Фашисты не особенно любят, когда посторонние суют нос в их дела. Хотя наши нацисты им и «братья по духу и крови» (как пишут в квислинговских листках), а немцы не упустят случая одернуть их. Особенно когда речь идет о деньгах, как в данном случае. Жуликоватый комендант не особенно возражает, когда я приношу пищу для пленных. Он экономит на этом деньги и кладет их в свой карман. Так оно и получилось. Комендант, выслушав меня, разразился бранью в адрес ленсманна и сказал, что к русским пленным он никакого

отношения не имеет. Правда, успокоившись, он посоветовал быть осторожнее и не попадаться на глаза ретивому квислинговцу.

Вообще видно, что гитлеровцы предчувствуют, какой конец ждет их. Они все чаще и чаще смотрят сквозь пальцы на нашу помощь пленным. Многие из них ходят мрачными. Унтер-офицер Вурм часто заходит в наш домик. Он отстегивает револьвер, садится у камелька и долго-долго смотрит в одну точку. Он может сидеть так часами. Нам это не особенно приятно. Люди, не знающие о нашей работе, могут счесть нас настроенными пронемецки. Но с Вурмом портить отношения нельзя.

Однажды в лесу, где работали пленные на вырубке леса, я разговорилась с другим унтер-офицером. Он разрешил мне передать пленным теплые вещи, которые мы собрали накануне, а затем проводил до опушки. Дорогой он жаловался на свою судьбу. В войну он потерял всю семью, в том числе трех детей, а жертвы эти оказались ни к чему — война проиграна. «Больше нет смысла жить», — сказал он, глядя на меня какими-то потухшими глазами. У него уже припрятана пуля для себя. Утешать его я не стала. Это законный конец. Что посеешь, то и пожнешь.

Разительнее всего была перемена, происшедшая с Тигром — Реддингером, который в октябре 1942 года был первым комендантом лагеря в Хаугснессе. Недавно его назначили комендантом лагеря в Ульвене. Если два с половиной года назад он бродил по лагерю как хищный зверь, высматривающий свою добычу, чем заслужил свое прозвище, то сейчас он ведет себя как овечка. Он не только разрешил мне приходить в Ульвен, но даже сказал, что в первую очередь пищу должны получать больные пленные. Даже такой солдафон, видимо, почувствовал, что недалек тот день, когда роли переменятся.

Впрочем, успокаиваться еще рано. Далеко не все немцы таковы. Один унтер-офицер, заядлый нацист, донес на меня коменданту Оса. Это могло обернуться для меня плохо, если бы тот дал делу ход и переслал донос в гестапо. Однако комендант, бывший священник, решил не обострять отношений с населением и донос не отослал. Когда же унтер-офицер напомнил ему об этом, то комендант просто оборвал его, не желая говорить на эту тему. Эту историю мне рассказала женщина, в доме которой живет комендант.

2 апреля

Ленсманн не прекращает слежку за мной. Чтобы как-нибудь отвлечь его внимание, я по совету мужа пришла к нему в контору

и передала несколько крон и кое-что из вещей для нуждающихся семей общины, о которых он говорил в прошлый раз.

Сегодня первый день пасхи. Весна скоро будет в полном разгаре. Все зазеленеет вокруг. Долины вокруг Оса покроются бело-розовой кипенью цветущих яблонь. Кажется, что и природа чувствует, что весна эта будет необычной. Мы уже не таясь слушаем Лондон и обмениваемся на улице последними новостями. А новости сердце радуют. Русские рвутся к Берлину. Навстречу им идут англичане и американцы.

На днях мы организовали продажу различных красивых вещичек, сделанных русскими. Какие у них ловкие руки! Тут были и причудливые шкатулки, кольца, портсигары, разные игрушки. Взамен пленные получили много вкусной пищи.

В Ульвене бываю каждый день. Новый комендант постоянно пьян. В вине он пытается потопить сознание неизбежного конца. Вчера он выкинул удивительную вещь. Вздумал проводить меня по лагерю, а когда увидел переводчика Бориса (инженера) и доктора Федора, то предложил мне поговорить с ними. Когда я стала рассказывать пленным последние новости с фронта, то комендант отошел в сторону и отвернулся. Ну и дела…

Вообще сейчас все изменилось. В лагере уже не видно печальных лиц. Фигуры распрямились, с лиц русских не сходит улыбка. Как чудесно умеют улыбаться эти русские ребята! Тоскливые песни все чаще сменяются веселыми. Немцы уже не обращают на это внимания.

Ко мне часто приходит поляк Фальковский из лагерной охраны. Он всегда берет с собой кого-нибудь из пленных, и мы подолгу сидим, обсуждая новости.

27 апреля

Ульвенские пленные попросили дать им фотографию. Я принесла свою и Рейнгольда. Через несколько дней Фальковский передал мне два замечательных портрета, нарисованных красками одним из пленных. Портреты были вставлены в красивые рамки из резного дерева, инкрустированного кусочками соломы. На портрете — подпись художника: «Вячеслав Комиссаров, 27/IV-45». Я хорошо знаю этого двадцатилетнего юношу. До войны он был студентом.

8 мая

С утра у меня было предчувствие, что должно свершиться что-то необыкновенное. Этим было пронизано все. Казалось, и солнце светит как-то по-праздничному, и пение птиц какое-то торжественное. С особой силой это предчувствие охватило меня, когда я подходила к Ульвену. Я несла доверху нагруженный мешок, но мне не было тяжело. Подходя к Ульвену, я оглянулась. Кругом раскинулась цветущая долина, солнечные блики играли на зеркальной глади обычно неспокойного Волчьего озера. Знакомые горы показались мне сегодня еще выше и величавее. Проникнутая таким настроением, я даже не удивилась, когда у ворот лагеря меня встретили не часовые, а пленные. Все они высыпали на площадку перед бараками и что-то взволнованно кричали. «Войне конец, мама!» — так они приветствовали меня на этот раз. Какой-то особый смысл был в том, что первыми, от кого я услышала долгожданную новость, были русские, — те, для кого я жила и работала эти долгие три года. Пленные обнимали меня и целовали. Я с трудом отбилась от них, когда кто-то предложил качать меня. Немцев почти не было видно. Когда один из них появился, то я спросила его: «Ферботен?» Но он опустил глаза и ничего не ответил. Русские же весело смеялись.

В Осе в этот день не ложились допоздна. Люди кругом танцевали, пели. Иногда и скорбь вплеталась в веселые песни. Мы вспоминали тех, кто больше уж не вернется, кто отдал свою жизнь за отечество и свободу.

10 мая

Русских из лагеря пока не отпускают. Говорят, что будет создана временная администрация и организована переправка пленных на родину через Осло. Им осталось ждать недолго.

Наконец-то мы можем свободно посещать лагерь. Нас провели по всем баракам, чтобы мы смогли убедиться, что пленные всем сейчас обеспечены. Из окрестных местечек в лагерь привезли мясо, картофель, первые овощи. Нас сопровождал сам хауптманн, бывший начальник лагерей. Потом он пригласил меня в контору и сказал, что давно хотел познакомиться со мной. Оказывается, все это время он знал, что я помогаю пленным. Недостатка в доносчиках, рассказывавших ему об этом, не было. Но он, как умный человек, предпочитал пропускать это мимо ушей, заботясь только, чтобы слухи не дошли до высшего начальства. Да, если бы знать об этом раньше…

11 мая

Сегодня в Осе радостный день: вернулись наши из Грини. Весь городок украшен зеленью, национальными флагами. Красный, синий и белый цвета видны всюду. В руках у детишек флажки, как 17 мая[12].

Да, такие дни не забываются…

Начинается марш бывших заключенных. Вначале идет колонна русских. Во главе ее инженер Борис. Он отдает честь, когда проходит мимо нас. Русские поют, машут руками. Сверкают улыбки. По лицам многих текут слезы радости. Впереди встреча с родиной, с семьями.

Затем появляются бывшие узники Грини — жители Оса. Оркестр играет «Да, мы любим…»[13], мэр поздравляет с возвращением в родные места. Минутой молчания отмечается память тех, кто не вернулся — погиб в отрядах «Йеммефронта», норвежской бригаде, сформированной в Англии, группах «Коммандос», кто замучен в концлагерях, расстрелян в качестве заложника.

15 мая

Бывшие пленные из всех окрестных лагерей собрались в Осе и ждут парохода, который доставит их в Берген. Оттуда путь лежит через Осло на родину. Около 500 русских разместились в молодежном доме. Тесновато, конечно, но настроение у всех приподнятое. Не смолкают песни.

Сегодня получила письмо от Леонида. Он сейчас в Валдресе. Все это время он сражался вместе с нашими ребятами в отряде движения Сопротивления. Письмо, которое он уже подписал именем, под которым прибыл в Норвегию, — Леонид Днепровский, написано на отличном норвежском языке. Леонид пишет, что мечтает встретиться с нами.

В наш домик каждый день приходят бывшие пленные, теперь уже как свободные люди. Не спим до поздней ночи, слушая рассказы об ужасных испытаниях, выпавших на их долю. Передо мной до сих пор стоит лицо одного русского, который зашел вчера уже под вечер. Ему всего 25 лет, но выглядит он как старик. В Норвегию он попал из Польши, где находился в страшной Люблинской тюрьме. Там было свыше 26 тысяч пленных. Когда через три недели его перевели в другой лагерь, то в живых остались лишь 6 тысяч человек.

16 мая

Ос опустел. Всех русских перевели в Берген, где они пробудут некоторое время. Прощание с ними было трогательным. Но мы знали, что еще увидимся с ними до их отъезда в Осло.

Сегодня решила съездить в Берген, чтобы повидаться с бывшими пленными из Нюгордского лагеря. У входа в лагерь стоял солдат из норвежского ополчения. «Вы к кому? Посторонним вход воспрещен», — обратился ко мне солдат. Но в это время кто-то из русских увидел меня. «Открой, товарищ, это же наша мама!» И в ту же минуту я оказалась в окружении знакомых лиц. Ребята потащили меня в свой барак, чтобы показать, как они сейчас живут.

Барак стал неузнаваемым. Кругом висели флаги, цветы. На всю комнату гремел приемник, настроенный на Москву. Люди слушали его со взволнованными и серьезными лицами. Впервые за несколько лет услышать голос родины! На стене в рамочке я увидела фотографию нашей семьи. Эту фотографию я искала чуть ли не полгода. Оказывается, еще в прошлом году кто-то из пленных, бывших в нашем домике, незаметно взял ее с собой.

Пока мы разговаривали, в комнату вошел повар в белом фартуке и колпаке и торжественно пригласил нас к столу отведать русского угощения. От волнения я не могла есть, но должна была делать это, чтобы не обидеть русских друзей. Да и как было не подчиниться, если со всех сторон на тебя смотрели заботливые глаза и ласковые голоса уговаривали: «Кушай, мама, сейчас наша очередь кормить тебя!»

В этот день я побывала еще в двух лагерях — в Гравдале, куда были переведены пленные из Тесдаля, и Лаксевоге. Там тоже был накрыт праздничный стол. Когда же я отказалась, то русские набили мне полные карманы и сумку разными яствами. «Это передай отцу вместе с нашими приветами».

После Гравдаля я вновь вернулась в Нюгорд, где должен был состояться концерт. Но пошел дождь, этот бесконечный бергенский дождь, и концерт перенесли на другой день. Меня вновь пытались накормить обедом, но на этот раз я решительно воспротивилась.

28 мая

Получила новое письмо от Леонида. Он пишет, что скоро приедет к нам. У него затруднения с деньгами, но он попытается добраться на велосипеде. «Я готов прийти пешком, чтобы отблагодарить вас», — пишет он.

В Бергене, куда я поехала, чтобы навестить больных в

госпитале на Флориде и передать им цветы, меня ждал сюрприз. Первая же знакомая, с которой я встретилась, спросила меня: «Ты читала сегодняшнюю газету?» — «Нет, а что?» — «Обязательно прочти. Там написано о тебе».

Вначале я даже испугалась немного. Ведь обо мне еще никогда не писали в газетах. В «Арбейдет», которую я купила в киоске, я прочла:

«Марии Эстрем от русских военнопленных.

Мы, бывшие русские военнопленные, возвращающиеся на дорогую Родину, не хотим уехать, не поблагодарив Вас, наша дорогая Мария Эстрем, за Вашу самоотверженную помощь жертвам фашистских варваров. Пренебрегая опасностью, несмотря на строгий контроль и угрозы нацистов, Вы помогали нам, русским военнопленным. Ваша помощь в течение двух лет спасла жизнь сотням из нас. Вы приносили нам пищу, а когда начиналась зима, Вы доставали нам теплую одежду. Мы получали от Вас книги наших классиков — Пушкина, Лермонтова, Чехова, Толстого и др. Мы не можем найти слов, которые выразили бы наши чувства, когда мы думаем о Вас и Вашей помощи, наша дорогая и любимая мама. Наша страна не забудет Вашу материнскую заботу. Мы благодарим также Ваших друзей, Хельге Ленсой и Сигрида Леннингдал и всех, кто помогал Вам в благородной и самоотверженной работе.

По поручению бывших русских военнопленных — капитан К. Чуйкин».

7 июня

Русские еще ожидают отправки в Осло. У меня еле хватает времени, чтобы посетить всех и ответить на приглашения.

Дома у нас всегда накрыт стол, и кофе стоит на плите. Двери у нас почти не закрываются. Те, кто недавно осуждал меня, сейчас завидуют. Русские группами и по одному приезжают из Бергена, чтобы поблагодарить за помощь. Пришлось сделать специальные тетради для благодарственных записей и адресов. Вот она, наша награда за нашу помощь.

Недавно в гостях были Григорий, Александр, Иван, Николай, Степан и Петр. Они пробудут в Осе четыре дня. Весь вечер в нашем домике звучали песни. Запевал Александр: у него чудесный голос. Ребята одеты сейчас неплохо, правда, в немецкие мундиры. Особенно их огорчает, что, хотя они и спороли с мундиров нацистскую эмблему, след все-таки остался.

Я раздобыла норвежские флажки и пришила их на кителя.

Ребята были очень довольны. Мы сфотографировались на память.

8 июня

Вчера получила приглашение из Бергена от бывших пленных в Осе.

«Дорогая мама! Не можете ли Вы, Ваш муж и сыновья прийти к нам на концерт в воскресенье. Добро пожаловать! По поручению Ваших русских сыновей Степан».

Концерт был чудесным. Мы увидели русскую пляску, услышали песни. Зал переполнен. Газеты писали, что там собралось тысячи три зрителей.

Нас с Рейнгольдом усадили в первом ряду. Перед началом концерта мы неожиданно оказались в центре внимания. Один из русских выступил с большой речью, обращенной к нам, а затем ко мне подбежали бывшие пленные из Хаугснесского лагеря и на руках вынесли на сцену. От волнения я не могла сказать ни слова. Маргарет Монсен, пятнадцатилетняя девочка из Бергена, которая бесстрашно помогала русским, подверглась той же участи. Мы обе стояли на сцене и плакали.

12 июня

Приходил Александр и рассказал, что доктор Пауль из Хаугснесского лагеря приехал в Берген. Сейчас он находится на Мелкеплассен в доме, реквизированном у нацистов. Доктор занимается лечением больных соотечественников в одном из бергенских госпиталей.

Узнав эту новость, я сразу поехала в Берген. На Молочной площади я сразу же нашла дом, о котором говорил Александр. Доктор сидел в своем кабинете и, склонившись за письменным столом, писал что-то. Я тихонько стала позади и сказала по-норвежски: «Гу даг, доктор Пауль». Он резко повернулся, и на лице его появилось растерянное и радостное выражение. По тому, как он гладил мои руки и все время повторял «мама», я видела, что Пауль рад встрече. Он пригласил нас с Александром в свою комнату, которая находилась этажом выше. За чашкой кофе в задушевной беседе время прошло незаметно. Нам было что вспомнить.

Опять побывала в госпитале на Флориде. Тут много русских. Некоторые из них изувечены фашистами, у других открылись старые раны, третьи ослабели от истощения. За ними ухаживают

наши и английские врачи. Я часто прихожу сюда. Больные мечтают о скором возвращении на родину и рассказывают мне о перенесенных страданиях. Один — совсем молодой парнишка — показывает мне свои ноги. На них ужасно смотреть. Они опухли, кровоточат и представляют собой сплошную рану. Фашисты заставляли его ходить босиком по снегу и острым камням. Но сейчас это позади. Несмотря на страшные боли, парень улыбается. Скоро домой!

В этой же палате лежит другой русский, Виктор, с переломом обеих рук и ног. Он был в лагере неподалеку от Лиллехаммера. Гитлеровцы заставляли пленных работать на прокладке дороги по берегу озера Мьеса. Особенно тяжело приходилось пленным зимой, когда отобрали у них всю теплую одежду и обувь. Приходилось обматывать ноги бумагой. Это помогало мало. У многих были обморожены ноги. Виктору долгое время удавалось избежать этой участи. Но однажды он почувствовал, что пришла и его очередь. Это случилось во время работы. Он нагнулся, чтобы растереть ноги и плотнее закутать их в бумагу. Но в это время на него обрушился удар сзади. Виктор потерял сознание и упал на дорогу. Охранник стал избивать его прикладом. К нему присоединился другой фашист. В результате Виктор очутился в лиллехаммерской больнице с переломанными руками, ногами и ребрами и провалялся там около десяти месяцев. Когда кости стали срастаться, его опять отправили в лагерь. В Фоберге — так назывался лагерь — были ужасные условия. Люди умирали каждый день. На кладбище здесь похоронено около 1000 русских, погибших в этом лагере. Да, много, очень много русских костей приняла в себя наша норвежская земля…

17 июня

Сегодня у нас в доме большая радость. Приехал Леонид! Мы сразу и не узнали его, когда с велосипеда соскочил загорелый до черноты худой человек и бросился к нам. Я подумала: «Это, наверно, один из пленных, который приехал навестить нас». Пока он шел к нам, походка его показалась мне знакомой. И вот передо мной он. Это Леонид! Но я так растерялась, что спросила: «Ты Леонид?» В глазах у него слезы: «Да, да… Я Леонид, а ты — мама, наша мама!»

И вот мы всей семьей за столом. Леонид — на почетном месте. Я подкладываю ему кусочки повкуснее, а он все говорит, говорит. И чуть ли не каждое предложение начинается: «А помнишь…» Мы вспоминаем последний вечер перед его уходом в

горы. Тогда он сидел за этим же столом, но все было по-другому. Он был беглец, а кругом все кишело гитлеровцами. Леонид рассказывает о пережитом за последние годы. Он был членом диверсионной группы в одном из наших партизанских отрядов в горах. Согласно традициям его «усыновил» один из норвежцев-партизан и дал ему свое имя — Хокон. О своих делах Леонид говорит скупо, но мы знаем, что он заслужил славу храбреца. Много раз он смотрел в лицо смерти. Однажды после удачно проведенной диверсии он чуть не попал в лапы к фашистам. Спасла его норвежская девушка. Несколько дней она прятала его в шалаше на горном пастбище.

Леонид гладит мою руку и говорит: «У норвежцев я в неоплатном долгу. Они дважды спасали меня от верной смерти».

Кстати, Леонид Днепровский — это не настоящее его имя. Его зовут Давыд Осенко. Так поступали многие, когда попадали в плен, не желая открывать врагу подлинное имя. Но для меня он всегда останется Леонидом из леса…

Вечером у нас были друзья из Хаугснесского лагеря. Велико было их изумление, когда они увидели Леонида, которого считали давно погибшим.

Мы приглашены на прощальный концерт, который состоится в Бергене, вернее в соседней коммуне Лаксевоге. Приближается день расставания…

Из Советскою Союза приехало несколько офицеров, которые будут заниматься репатриацией своих соотечественников.

В ноябре 1958 года Мария и Рейнгольд Эстрем по приглашению Советского комитета ветеранов войны побывали в Советском Союзе. Трогательной была встреча «русской мамы» с бывшими военнопленными. Этот человек, целующий ее руку, никогда не забудет того, что сделала простая норвежская женщина для него и его товарищей по плену.

19 июня

Вчера всей семьей вместе с Леонидом были на концерте у русских друзей. Я так устала и взволнована теми почестями, которые были оказаны нам, что не могу описать всего. Пусть об этом вечере хотя бы немного расскажет заметка из бергенской утренней газеты: «Вчера русские, находившиеся в лагере у Холенской школы, пригласили своих норвежских друзей и знакомых на большой прощальный праздник. Среди приглашенных была фру Мария Эстрем из Оса. Русские друзья сердечно приветствовали ее. Под аплодисменты всего зала ее на руках внесли на сцену и, затаив дыхание, выслушали ее взволнованную речь. Она поблагодарила русских за честь, оказанную ей. „Я только сделала слишком мало, чтобы заслужить ее… Мы узнали и полюбили русский народ во время войны.

Никто из нас не верил той пропаганде, которую фашисты распространяли о большевиках“. Затем один русский офицер выступил от имени бывших военнопленных со словами благодарности норвежскому народу: „Мы будем помнить вас, пока бьются наши сердца!“»

В домик наш не переставая идут люди. Их словами благодарности и адресами исписаны уже три толстые тетради. Якоб подсчитал сегодня, что здесь около 500 записей. Эти тетради — самое дорогое для меня, самая высшая награда. Я буду беречь их как дорогую реликвию.

Очень трогательно, когда приходят почти незнакомые люди и благодарят меня, а потом с надеждой спрашивают: «Как вы думаете, жива ли моя семья? Ведь в нашем городе были немцы». Или: «Узнает ли меня жена? Очень ли я изменился?» Они достают пожелтевшие фотографии, которые хранили эти годы, и показывают мне…

30 июня

Ну вот, наступил день прощания.

Первая партия русских отправилась в Осло. Хотя сегодня и обычный понедельник, все кругом похоже на праздник. Город принарядился для прощания с русскими. Стоит редкая для Бергена солнечная погода. Мы встали пораньше и уже с утра были в Лаксевоге. Там царит приподнятое настроение. Почти все жители этой маленькой коммуны собрались здесь. Большие грузовики, на которых еще недавно разъезжали немцы, украшены цветами и молодыми березками. Когда мы подошли туда, посадка была закончена. Нам отовсюду машут руками и кричат: «Идите к нам!» Не успеваем мы оглянуться, как десятки сильных рук подхватывают нас, и мы уже стоим в кузове, окруженные улыбающимися и счастливыми лицами. Грузовики трогаются, раздается песня, подхваченная дружными голосами. «Москва моя», — летит над Бергеном. Сотни горожан машут руками, бросают цветы. Вокзальную площадь было сегодня не узнать. Куда ни взглянешь — группами стоят норвежцы и русские. Прощальные приветствия, объятия. Шотландский корпус, находящийся сейчас в Бергене, играет что-то веселое на своих волынках.

Но вот раздается команда: «По вагонам!» Над площадью, как прибой, взлетает шум последних приветствий. Я иду вдоль состава и сквозь слезы, застилающие глаза, вижу сотни знакомых и незнакомых, но одинаково родных лиц. Многие тоже смахивают

непрошеную слезу. Вот в одном из окон стоит Василий — «доктор Вилли». Он кричит «До свидания, мама!» и еще что-то, но поезд трогается и заглушает его последние слова.

Прощайте, родные! Дай вам бог счастья в вашей новой, свободной жизни. Вы вновь увидите свою дорогую родину и своих близких, о которых вы так тосковали в неволе.

Прощальной письмо доктора Вилли

«Родная мама!

Вчера мы приехали в Осло. Каждый прошедший день приближает нас к родным местам. Но мы не забываем Ос и жителей этого чудесного городка. Наши мысли с Вами, наша самая любимая, незабываемая русская Мама! Я счастлив, что вместе со своими товарищами могу вспомнить такого замечательного человека, как Вы, Мать!

Вчера у нас была Маргарет, и мы много говорили о Норвегии и норвежцах. В этих разговорах Вы занимали главное место, как человек, сделавший больше всего для нас во время нашего пребывания в этой стране.

С октября 1942 года мы знаем Вас, Мама, как чудесную и неутомимую женщину с мягким сердцем и благородной душой. Когда мы вернемся домой, то в наших сердцах вечно будете жить Вы, наша Мама. Вы для нас — самая замечательная представительница женщин Норвегии.

Дорогая Мама! Передайте наш привет Осу и всем его жителям, которые помогали нам в тяжелые годы.

Да здравствует свободная Норвегия и свободный норвежский народ!

Ваш, благодаря Вам живущий, Вилли — Василий.

Осло, 4.7.45»

Цена 70 к.

notes

Примечания

1

Хирдманны — члены военных отрядов, созданных предателем норвежского народа В. Квислингом по типу гитлеровских штурмовых отрядов. (*Примеч. переводчика*).

2

Грини — местечко в 30 километрах от Осло, где во время войны гитлеровцы устроили концлагерь. (*Примеч. переводчика*).

3

— Запрещено! (*нем.*).

4

Норвежское пожелание счастливого рождества.

5

«Йеммефронт» («Отечественный фронт») и *«Милорг»* («Военная организация») — нелегальные патриотические организации норвежского движения Сопротивления. (*Примеч. переводчика*).

Хватит! (*нем.*).

— Назад! (*нем.*).

8

Лаксевог — коммуна, примыкающая к Бергену, фактически его пригород. Здесь в Нюгордских болотах находился большой лагерь для военнопленных (в нем содержалось более тысячи человек). Население Лаксевога помогало русским пленным, а местные патриоты поддерживали связь с подпольной организацией в лагере. (*Примеч. переводчика*).

9

«Полиция цен» была создана для борьбы с нарушениями карточной системы и спекуляцией во время войны. (*Примеч. переводчика*).

10

Ленсманн — представитель административной и полицейской власти на местах. (*Примеч. переводчика*).

11

Гитлеровская Германия напала на Норвегию 9 апреля 1940 года. (*Примеч. переводчика*).

12

17 мая — день конституции, национальный праздник Норвегии. По традиции в этот день устраиваются праздничные шествия детей.

13

Национальный гимн Норвегии. (*Примеч. переводчика*).